

Научная статья
УДК 343.98
EDN VDJXZT
DOI 10.17150/2411-6122.2026.1.63-75

Отдельные проблемные аспекты использования специальных знаний при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 207.3 УК РФ

А.В. Земляков

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация, zemlyakov.alex@mail.ru

Аннотация. Анализируется правовая природа состава преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, и вытекающие из нее особенности предмета доказывания, требующие привлечения экспертов в области лингвистики, психологии и иных областей знания. На основе изучения материалов судебных дел, статистических данных и методических рекомендаций Министерства юстиции Российской Федерации выявлены ключевые проблемные блоки. Особое внимание уделяется дискуссионному вопросу разграничения компетенции эксперта и правоприменителя (следователя, суда), а также недопустимости вторжения эксперта в сферу юридической квалификации деяния. Рассматриваются сложности, связанные с терминологической неопределенностью категориального аппарата. Исследуются типичные ошибки при формулировании вопросов, выносимых на разрешение экспертов, и проблемы определения надлежащих объектов исследования (скриншоты, интернет-страницы, контент с учетом коммуникативной ситуации). Формулируются предложения по совершенствованию практики использования специальных знаний, включая необходимость дальнейшего развития методического обеспечения экспертной деятельности, унификации терминологии на уровне Пленума Верховного Суда РФ, более широкого применения комплексных психолого-лингвистических экспертиз и активного использования института специалиста на досудебных стадиях.

Ключевые слова: специальные знания, экспертное исследование, расследование преступлений, эксперт, заведомо ложная информация, недостоверная информация, утверждения о факте, оценочное суждение, психология и лингвистика в уголовном процессе.

Для цитирования: Земляков А.В. Отдельные проблемные аспекты использования специальных знаний при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 207.3 УК РФ / А.В. Земляков. — DOI 10.17150/2411-6122.2026.1.63-75. — EDN VDJXZT // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2026. — № 1. — С. 63–75.

Original article

Some Problem Aspects of Using Expert Knowledge in the Investigation of Crimes under Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation

A.V. Zemlyakov

Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, the Russian Federation, zemlyakov.alex@mail.ru

Abstract. The author analyzes the legal nature of crimes under Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the corresponding specifics of its object of proof, which require the participation of experts in linguistics, psychology and other fields of knowledge. Key problem areas are identified through the examination of court case materials, statistical data and methodological recommendations of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Special attention is paid to the debatable issue of distinction between the competence of an expert and that of a law enforcer (investigator, court), as well as the inadmissibility of an expert's interference in the sphere of legal qualification of an action. Difficulties associated with the terminological vagueness of the categorical apparatus are examined. The author studies typical mistakes in the formulation of questions to the experts, as well as the problems of defining due objects of research (screenshots, internet pages, content within a communicative situation). Suggestions on improving the practice of involving expert knowledge are formulated, including the necessity of further development of methodological support for expert participation, the unification of terminology at the level of Plenary Sessions of the Supreme Court of the Russian Federation, a wider use of compound psychology-linguistic examinations, and an active use of the institute of specialists at the pre-trial stages.

Keywords: expert knowledge, expert examination, crime investigation, expert, deliberately false information, unreliable information, statements of fact, value judgment, psychology and linguistics in criminal proceedings.

For citation: Zemlyakov A.V. Some Problem Aspects of Using Expert Knowledge in the Investigation of Crimes under Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2026, no 1, pp. 63–75. (In Russian). EDN: VDjXZT. DOI: 10.17150/2411-6122.2026.1.63-75.

Введение

Противодействие преступным посягательствам практически всегда сопровождается применением специальных знаний, которые в современном уголовном судопроизводстве интенсивно развиваются, чему в немалой степени способствует стремительное совершенствование науки и техники. Несмотря на то, что в перечне понятий в статье 5 УПК РФ дефиниция «специальные знания» не раскрывается, необходимость и обязательность их использования в процессе расследования преступле-

ний является неоспоримой. Своевременность и полнота использования специальных знаний должны приобрести первостепенное значение в процессе расследования преступлений [1, с. 49].

Актуальность исследования проблемных аспектов использования специальных знаний при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена

статья 207.3, устанавливающая ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации¹. Появление данной нормы было вызвано необходимостью противодействия информационным угрозам в условиях проведения специальной военной операции, что потребовало от правоприменителя освоения новых подходов к доказыванию [2, с. 25].

Из этого непосредственно вытекает необходимость обращения к статистике правоприменения, которая свидетельствует о значительном количестве возбужденных уголовных дел по данной статье.

Результаты исследования

С 2022 года в российские суды направлено 325 уголовных дел о распространении фейков об армии и 125 уголовных дел о дискредитации вооруженных сил, заявил председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин². При этом практика применения ст. 207.3 УК РФ выявила целый комплекс проблем, связанных с квалификацией деяний и доказыванием признаков состава преступления. Особую

сложность представляет использование специальных знаний, поскольку предмет доказывания по данной категории дел требует привлечения экспертов в области лингвистики, психологии, а в некоторых случаях — и иных областей знания.

Отсюда закономерно вытекает цель настоящей статьи — выявить и проанализировать проблемные аспекты использования специальных знаний при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, а также предложить пути решения выявленных проблем. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: рассмотреть правовую природу состава преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, и обусловленные ею особенности доказывания; проанализировать дискуссионные вопросы разграничения компетенции эксперта и правоприменителя; исследовать проблемы категориального аппарата, используемого при назначении и производстве экспертизы; выявить особенности формулирования вопросов, выносимых на разрешение экспертов; предложить рекомендации по совершенствованию практики использования специальных знаний. Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания, а также общенаучные и частнонаучные методы, применение которых в совокупности обеспечивает комплексный характер исследования.

Анализ проблем использования специальных знаний при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, невозможен без уяснения правовой природы данного состава и вытекающих из нее особенностей доказывания. Диспозицией ч. 1 ст. 207.3 УК РФ определено: публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной инфор-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1389.

² СКР в 2025 году стал реже возбуждать дела по военным фейкам // Коммерсантъ. 2026. 14 янв. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8341252> (дата обращения 25.02.2026).

мации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности либо об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, а равно содержащей данные об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации³.

Исходя из семантического содержания диспозиции, объективная сторона данного преступления заключается в: 1) распространении обозначенной в диспозиции информации; 2) осуществленном публично; 3) заведомой ложности информации; 4) распространении под видом достоверной. Каждый из указанных элементов объективной стороны требует доказывания, при этом для установления ряда обстоятельств необходимо использование специальных знаний.

Результаты изучения правоприменительной практики дают основание для вывода, что под видом достоверной публично распространяется следующая информация: о целях проведения специальной военной операции; характере боевых действий; гибели, в том числе массовой, мирного населения; актах насилия в отношении мирного населения, совершенных военнослужащими; числе жертв среди российских граждан; количестве уничтоженной военной техники; «победоносных» действиях Вооруженных Сил Украины и «провале» специ-

альной военной операции⁴. При этом сама дезинформация распространяется о Вооруженных Силах Российской Федерации в целом, конкретных подразделениях, государственных органах, добровольческих формированиях, а также конкретных военнослужащих.

Из приведенного перечня становится очевидным, что ключевым элементом доказывания по делам данной категории является установление содержательной стороны распространенных сведений, что невозможно без использования специальных лингвистических и психологических знаний. При этом, как отмечают исследователи, в том числе в учебной литературе [3, с. 49-53], возникает необходимость рассмотреть криминалистическую характеристику этого состава и определить некоторые элементы доказывания, что подводит нас непосредственно к проблеме разграничения компетенции эксперта и правоприменителя, являющейся центральной для настоящего исследования.

Проблема разграничения компетенции эксперта и правоприменителя.

Одним из наиболее дискуссионных аспектов использования специальных знаний при расследовании преступлений по ст. 207.3 УК РФ является проблема разграничения компетенции эксперта и правоприменителя (следователя, дознавателя, суда). Эта проблема имеет два взаимосвязанных измерения: процессуальное (что именно может и должен устанавливать эксперт) и содержательное (какие вопросы могут быть поставлены перед экспертом).

В процессуальном аспекте принципиальное значение имеет положение,

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : (ред. от 20 февр. 2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ СКР в 2025 году стал реже возбуждать дела по военным фейкам // Коммерсантъ. 2026. 14 янв. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8341252> (дата обращения 25.02.2026).

закрепленное в методических рекомендациях Министерства юстиции Российской Федерации, согласно которому «за пределы специальных знаний эксперта-лингвиста выходят решение вопросов, связанных с установлением заведомо ложной информации, квалификация информации как фейка, выявление признаков фейковой информации, а также проверка информации на соответствие действительности». В компетенцию эксперта не входит юридическая квалификация действий, установление вины и ее форм, мотивов деяния. Эксперт-лингвист в соответствии со своими специальными знаниями устанавливает только те обстоятельства, которые получили отражение в материале и коммуникативной ситуации его использования и относятся к речевым и коммуникативным феноменам⁵.

Отсюда следует важнейший методологический вывод: задача эксперта заключается в установлении способа подачи содержащейся в материале информации, в частности — выражена ли информация в форме утверждения о фактах и событиях либо представляет собой оценочное суждение, мнение, убеждение. Данное положение соответствует устоявшейся судебной практике по делам, связанным с распространением информации, и базируется на фундаментальном различии между утверждением о факте (которое может быть верифицировано на соответствие действительности) и оценочным суждением (которое не подлежит проверке на

истинность, поскольку выражает субъективное мнение лица). Как отмечается в экспертологической литературе, для целей правоприменения выработано экспертное понятие «утверждение о фактах и событиях», имеющее юридическое значение.

Однако, как показывает анализ материалов уголовных дел, на практике нередко возникают ситуации, когда перед экспертами ставятся вопросы, выходящие за пределы их компетенции. Так, по делу Е.Л. Бестужева, рассматриваемому Калининским районным судом Санкт-Петербурга, стороной обвинения заявлялось ходатайство о назначении дополнительной комплексной психолого-лингвистической экспертизы, при этом формулировка вопросов предполагала установление наличия признаков «убеждения адресата в негативном характере целей использования ВС РФ» и «побуждения (в том числе в форме призыва) к противодействию функционированию ВС РФ»⁶. Подобные формулировки, по сути, ориентируют эксперта на установление элементов субъективной стороны преступления и целевой направленности действий, что относится исключительно к компетенции правоприменителя и не может быть предметом экспертного исследования.

В связи с этим заслуживает внимания позиция, согласно которой на эксперта возлагается задача расследования, финальное решение оставлено правоохранителям и суду. Это использование экспертизы вместо расследования, а не в помощь ему. Действительно, когда эксперту предлагается устано-

⁵ Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации : Метод. письмо : утв. Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, Протокол № 2 от 17 июня 2022 г. // СПС «Гарант».

⁶ Дело Бестужева: ходатайство обвинения об экспертизе удовлетворено // Независимый общественный портал о беспристрастном судебном мониторинге. 2025. 9 сент. URL: <https://courtmonitoring.org> (дата обращения: 25.02.2026).

вить, направлены ли высказывания на дискредитацию Вооруженных Сил или содержат ли они побуждение к каким-либо действиям, эксперт фактически вторгается в сферу уголовно-правовой оценки деяния.

Содержательный аспект проблемы разграничения компетенции связан с определением предмета экспертного исследования. Согласно методическим подходам, разработанным в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, при исследовании информационных материалов по делам данной категории необходимо четко различать коммуникативные действия разного типа: утверждения о фактах, мнения, оценки, призывы и т.д.⁷ Только установив тип коммуникативного действия, можно переходить к вопросу о его соответствии признакам состава преступления, но это второй этап, осуществляемый уже правоприменителем.

Проблемы категориального аппарата и терминологической неопределенности.

Использование специальных знаний при расследовании преступлений по ст. 207.3 УК РФ существенно осложняется терминологической неопределенностью самого уголовного закона, и эта неопределенность порождает целый комплекс взаимосвязанных проблем в экспертной деятельности. Как справедливо отмечается в научной литературе, существует концептуальная неоднозначность между понятиями «за-

ведомо ложная» и «недостоверная» информация [4, с. 126]. Уголовный закон оперирует понятием «заведомо ложная информация», что предполагает установление субъективного признака — осознания лицом ложности распространяемых сведений.

Верховный Суд Российской Федерации в «Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2»⁸ дал разъяснения относительно понимания квалифицирующих признаков, отраженных в диспозициях статей: заведомо ложная информация — такая информация, которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему; распространение заведомо ложной информации под видом достоверной — форма, способ изложения информации, использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям. Такие же квалифицирующие признаки имеют место и в диспозиции ст. 207.3 УК РФ.

Из данной терминологической неопределенности закономерно вытекает проблема формулирования вопросов, выносимых на разрешение экспертов. Если перед экспертом ставится вопрос о том, является ли информация ложной или недостоверной, это означает выход за пределы его компетенции, поскольку

⁷ Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации : Метод. письмо : утв. Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, Протокол № 2 от 17 июня 2022 г. // СПС «Гарант».

⁸ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 2 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апр. 2020 // СПС «КонсультантПлюс».

ку эксперт не обладает специальными знаниями для установления соответствия информации действительности (за исключением случаев, когда для этого требуются специальные познания в конкретной области, например, технической или медицинской). Установление ложности информации предполагает ее сопоставление с объективной реальностью, что не входит в задачи лингвистической или психологической экспертизы.

Другая проблема категориального аппарата касается использования в экспертной практике термина «фейк», который отсутствует в законодательстве, но активно применяется в методических рекомендациях и научных публикациях [2, с. 26]. В методических рекомендациях Минюста указывается, что объектом экспертизы является «сообщение», которое может быть исследовано «только с учетом контекста его размещения и коммуникативной ситуации», при этом термин «фейк» используется как описательный, но не как юридически значимый⁹. Такая ситуация создает риск неоправданного смещения научного и обыденного понятийного аппарата, что может негативно сказаться на качестве экспертных заключений.

Особую сложность представляет соотношение понятий, используемых в ст. 207.3 УК РФ и в смежных составах (ст. 280.3 УК РФ, ст. 20.3.3 КоАП РФ). В методических рекомендациях Минюста разъясняется, что если информация подается в виде утверждения о фактах

и событиях, то это позволяет правоприменителю установить ее ложность или достоверность в рамках ст. 207.3 УК РФ. Если же информация выражена в форме мнения или оценки — это является признаком другого коммуникативного действия, а именно дискредитации использования Вооруженных Сил¹⁰. Однако на практике разграничение утверждения о факте и оценочного суждения далеко не всегда очевидно. Как отмечают исследователи, в информационных материалах нередко встречаются высказывания, сочетающие элементы фактологических утверждений и оценочных суждений, что требует применения специальных лингвистических методик для их дифференциации [5, с. 469]. Кроме того, в методических рекомендациях Министерства юстиции Российской Федерации, изложенных в методическом письме под «дискредитацией» предлагается понимать умышленные действия, направленные на подрыв доверия к органам государственной власти, умаление их авторитета, при этом указывается, что в материалах должно содержаться обсуждение целей использования Вооруженных Сил, что является обоснованием их негативной оценки¹¹.

Проблемы формулирования вопросов эксперту и определения объектов исследования.

Анализ судебной практики позволяет выявить типичные проблемы, связанные с формулированием вопросов,

⁹ Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации : Метод. письмо : утв. Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, Протокол № 2 от 17 июня 2022 г. // СПС «Гарант».

¹⁰ Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации : Метод. письмо : утв. Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, Протокол № 2 от 17 июня 2022 г. // СПС «Гарант».

¹¹ Там же.

выносимых на разрешение экспертов при расследовании преступлений по ст. 207.3 УК РФ. Наиболее целесообразна постановка вопросов, направленных на установление формы подачи информации и ее коммуникативной направленности, а не на юридическую квалификацию деяния. Юридическое значение в данном случае имеет вопрос в следующей типовой формулировке: «Содержится ли в тексте информация о [...], выраженная в форме утверждения о фактах и событиях?». Формулировка вопроса конкретизируется за счет подстановки на место пропуска предмета речи, предполагаемого диспозицией статьи УК РФ¹².

Сложность разграничения утверждения о факте и оценочного суждения неоднократно подчеркивалась в специальной литературе. Как справедливо отмечает ведущий специалист в области юрислингвистики В.О. Кузнецов, при производстве экспертиз по данной категории дел необходимо опираться на выработанное экспертное понятие «утверждение о фактах и событиях», имеющее самостоятельное юридическое значение, что позволяет избежать подмены компетенций [6, с. 52]. Помимо лингвистического анализа формы подачи информации, в рамках судебной экспертизы по ст. 207.3 УК РФ актуализируется и психологическая составляющая. Как отмечается в современных исследованиях, типовые экспертные задачи по таким делам включают не только установление

формы выражения мысли (утверждение о факте / мнение), но и анализ коммуникативной направленности высказывания, а также решение вопроса о наличии в тексте признаков когнитивного диссонанса или феномена лжи, что требует применения комплексных психолого-лингвистических методик [7, с. 440].

Важно также учитывать, что некорректная формулировка вопросов может повлечь признание заключения эксперта недопустимым доказательством. Как разъясняет Пленум Верховного Суда Российской Федерации, на разрешение эксперта не могут ставиться вопросы правового характера, поскольку их решение относится к исключительной компетенции суда¹³. В этой связи целесообразно использовать типовые перечни вопросов, разработанные для соответствующих видов экспертиз, которые позволяют избежать распространенных ошибок, таких как использование оценочных понятий или вопросов-презюмций¹⁴.

В качестве положительного примера можно привести вопросы, поставленные судом перед экспертами по делу Е.Л. Бестужева при назначении комплексной психолого-лингвистической экспертизы. Среди поставленных вопросов был, в частности, следующий: «Содержится ли информация о действиях/бездействии ВС и государственных органов РФ, выраженная в форме утверждений о фактах и событиях, в опубликованных на странице соци-

¹² Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации : Метод. письмо : утв. Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, Протокол № 2 от 17 июня 2022 г. // СПС «Гарант».

¹³ О судебной экспертизе по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 дек. 2010 № 28 // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/.

¹⁴ Как грамотно сформулировать вопросы для судебной экспертизы // Сумма мнений. URL: <https://srosomma.ru/press-tsentr/2026/02/631> (дата обращения 20.01.2026).

альной сети “ВКонтакте” текстовых записях?»¹⁵. Данный вопрос ориентирует экспертов на установление лингвистических признаков формы подачи информации, а не на юридическую квалификацию, что соответствует методическим рекомендациям.

Однако в том же деле стороной защиты заявлялись возражения относительно того, что некоторые вопросы фактически ориентируют экспертов на установление элементов субъективной стороны. Это показывает, что даже при тщательном формулировании вопросов сохраняется риск смешения компетенций, что требует дополнительных разъяснений со стороны вышестоящих судебных инстанций и методических органов.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема определения объектов исследования при назначении экспертиз по делам данной категории. Поскольку большинство дел связано с распространением информации в сети Интернет, объектами исследования выступают скриншоты, протоколы осмотра интернет-страниц, а в некоторых случаях — непосредственно электронные носители информации. В методических рекомендациях Минюста указывается, что объектом экспертизы является сообщение, имеющее звучащую и/или визуальную форму, размещенное в любом информационном пространстве, в том числе сети Интернет, извлеченное из него и зафиксированное на различных материальных носителях. Объект экспертизы исследуется только с учетом контекста его размещения и той ком-

муникативной ситуации, в которой он использовался¹⁶.

При этом возникает вопрос о допустимости использования скриншотов в качестве объектов экспертного исследования, поскольку они могут быть подвергнуты модификации. В связи с этим в методических рекомендациях подчеркивается необходимость исследования информации в том виде, в котором она существовала на момент распространения, с фиксацией всех необходимых реквизитов (дата, время, авторство, контекст размещения).

Кроме того, важное значение имеет учет контекста размещения информации, включая характер аудитории, наличие обратной связи, возможность комментирования и репостов. Одно и то же высказывание может иметь различное значение в зависимости от того, на какой интернет-площадке оно размещено, какой круг лиц имеет к нему доступ, какие комментарии сопровождают его публикацию. Это требует от экспертов не только лингвистического и психологического анализа самого текста, но и исследования коммуникативной ситуации в целом, что значительно усложняет экспертные задачи.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование практики использования специальных знаний при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ. Все предлагаемые меры логически вытекают из

¹⁵ Дело Бестужева: ходатайство обвинения об экспертизе удовлетворено // Независимый общественный портал о беспристрастном судебном мониторинге. 2025. 9 сент. URL: <https://courtmonitoring.org> (дата обращения: 25.02.2026).

¹⁶ Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации : Метод. письмо : утв. Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, Протокол № 2 от 17 июня 2022 г. // СПС «Гарант».

выявленных проблем и взаимосвязаны между собой.

Прежде всего, представляется необходимым дальнейшее развитие методического обеспечения экспертной деятельности по данной категории дел. Положительным примером является издание Министерством юстиции Российской Федерации методических рекомендаций по исследованию информационных материалов, связанных с публичным распространением заведомо ложной информации¹⁷. Однако практика показывает необходимость их регулярного обновления с учетом накапливаемого опыта, а также разработки специализированных методик для различных видов информационных материалов (тексты, видео, аудиозаписи, поликодовые тексты).

Вторым важным направлением является повышение квалификации как экспертов, так и правоприменителей в части понимания пределов компетенции каждого участника процесса. Следователи и судьи должны четко осознавать, какие вопросы могут быть поставлены перед экспертом, а какие относятся исключительно к их компетенции. В свою очередь, эксперты должны быть готовы аргументированно отказаться от ответов на вопросы, выходящие за пределы их специальных знаний, с соответствующим обоснованием в экспертном заключении.

Третье направление связано с необходимостью унификации терминологического аппарата. Представляется

целесообразным на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации дать разъяснения по вопросам разграничения понятий «заведомо ложная информация» и «недостоверная информация», «утверждение о факте» и «оценочное суждение» применительно к ст. 207.3 УК РФ. Это позволит обеспечить единообразие судебной практики и снизить риски ошибок при назначении и производстве экспертиз.

Четвертое направление касается совершенствования процессуального порядка назначения экспертиз. В частности, целесообразно более широкое использование комплексных психолого-лингвистических экспертиз, поскольку раздельное исследование лингвистических и психологических аспектов информационных материалов не всегда позволяет получить полную картину. При этом в постановлении о назначении экспертизы необходимо четко указывать, какие именно обстоятельства предполагается установить с помощью специальных знаний, и избегать формулировок, предопределяющих выводы эксперта.

Наконец, важным направлением является развитие института специалиста в уголовном процессе по данной категории дел. Участие специалиста может быть полезным уже на стадии возбуждения уголовного дела для предварительной оценки информационных материалов и решения вопроса о наличии признаков преступления. Кроме того, специалист может оказывать помощь следователю в формулировании вопросов для эксперта и в оценке экспертного заключения.

В настоящее время процесс раскрытия и расследования преступлений уже практически невозможен без современных технологий. В этой связи использование спецзнаний является неотъемле-

¹⁷ Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации : Метод. письмо : утв. Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, Протокол № 2 от 17 июня 2022 г. // СПС «Гарант».

мой частью сбора доказательственной базы [4, с. 131]. Технология экспертного исследования основана на знании и умении применять систему познавательных средств, определяющих пошаговые действия эксперта в целях решения конкретной экспертной задачи [8, с. 48–64; 9, с. 12; 10, с. 14–16]. При этом экспертом должны соблюдаться граничные условия применения методов, т.е. условий, при которых использование метода допустимо, а полученные результаты отвечают критериям достоверности, надежности, точности и обоснованности [11, с. 32].

Подводя итоги проведенного исследования, необходимо отметить, что использование специальных знаний при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, сопряжено с комплексом взаимосвязанных проблем, которые требуют системного решения. Анализ правовой природы данного состава преступления, материалов судебной практики и методических рекомендаций показывает, что основными проблемными аспектами являются разграничение компетенции эксперта и правоприменителя, терминологическая неопределенность категориального аппарата, сложности формулирования вопросов эксперту и определения объектов исследования.

Ключевой вывод исследования заключается в том, что эффективное использование специальных знаний по данной категории дел возможно только при четком понимании пределов компетенции эксперта, который не должен подменять собой правоприменителя в вопросах юридической квалификации

деяния. Задача эксперта заключается в установлении формы подачи информации (утверждение о факте или оценочное суждение), ее коммуникативной направленности, тогда как установление заведомой ложности информации и виновности лица относится к исключительной компетенции следователя и суда.

Представляется, что реализация предложенных в статье направлений совершенствования практики использования специальных знаний — развитие методического обеспечения, повышение квалификации участников процесса, унификация терминологии, совершенствование процессуального порядка назначения экспертиз и развитие института специалиста — позволит повысить качество расследования преступлений по ст. 207.3 УК РФ и обеспечить баланс между необходимостью противодействия информационным угрозам и соблюдением прав участников уголовного судопроизводства. Следует согласиться, что «экспертно-криминалистическая диагностика и идентификация — это основное направление изучения причинности в криминалистике в ее научно-прикладном значении» [12, с. 209].

Дальнейшие научные исследования в данной области могут быть направлены на разработку частных методик расследования преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, с учетом особенностей использования специальных знаний, а также на анализ зарубежного опыта противодействия распространению ложной информации в условиях вооруженных конфликтов.

Список использованной литературы

1. Грибунов О.П. Использование специальных знаний для выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия / О.П. Грибунов, К.В. Шаров. — DOI 10.17150/2411-6122.2023.2.49-58. — EDN

RVDNEM // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2023. — № 2 (40). — С. 49–58.

2. Вахрушева О.П. Проблемы квалификации по статье 207.3 УК РФ / О.П. Вахрушева, Д.В. Иванец. — EDN MLUHGS // Власть и общество: история, современное состояние и тенденции развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Абакан, 21 апр. 2023 г. — Абакан, 2023. — С. 98–100.

3. Криминалистика. Общие положения, техника, тактика : учебник / М.М. Горшков, С.Б. Россинский, О.П. Грибунов [и др.]. — Москва : Юрайт, 2022. — 400 с.

4. Грибунов О.П. Использование специальных знаний в раскрытии краж автотранспортных средств / О.П. Грибунов. — DOI 10.24411/2312-3184-2019-00036. — EDN IPDRGA // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 3 (90). — С. 125–132.

5. Карагодин А.А. К вопросу о разграничении утверждений о факте и оценочных суждений в юрислингвистике / А.А. Карагодин. — EDN WCMTAJ // Юрислингвистика. — 2011. — № 11. — С. 469–480.

6. Кузнецов В.О. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о распространении заведомо ложной (недостоверной) информации под видом достоверных сообщений / В.О. Кузнецов. — DOI 10.30764/1819-2785-2022-2-49-57. — EDN XAKENQ // Теория и практика судебной экспертизы. — 2022. — Т. 17, № 2. — С. 49–57.

7. Жарков И.В. Типовые экспертные задачи в судебных делах по статьям 207.3 УК РФ, 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ и возможные методы их решения / И.В. Жарков, В.В. Константинова. — DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-437-458. — EDN QLBDSE // Нефилология. — 2022. — Т. 8, № 3. — С. 437–458.

8. Галяшина Е.И. Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы / Е.И. Галяшина. — EDN DECOBL // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах : материалы науч.-практ. семинара, Москва, 07–08 дек. 2002 г. — Москва, 2003. — Ч. 2. — С. 48–64.

9. Галяшина Е.И. Речеведческие экспертизы в судопроизводстве / Е.И. Галяшина. — EDN ONCKRD // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2011. — № 12. — С. 12–29.

10. Галяшина Е.И. Судебная экспертиза вербальных проявлений экстремизма: правовые и методические проблемы / Е.И. Галяшина. — EDN KPSRCR // Эксперт-криминалист. — 2009. — № 2. — С. 14–16.

11. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки / Е.И. Галяшина. — EDN YJDETR // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 4. — С. 31–36.

12. Грибунов О.П. Криминалистическая теория причинности в контексте установления механизма слеодообразования: философские и теоретические аспекты / О.П. Грибунов. — DOI 10.17223/15617793/446/27. — EDN PEWQIQ // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 446. — С. 207–211.

References

1. Gribunov O.P., Sharov K.V. Using Special Knowledge to Identify and Overcome the Counteraction to the Investigation of Crimes Connected with Illegal Trade in Arms. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2023, no. 2, pp. 49–58. (In Russian). EDN: RVDNEM. DOI: 10.17150/2411-6122.2023.2.49-58.

2. Vakhrusheva O.P., Ivanits D.V. Problems of Qualification under Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. In *Power and Society: History, Modern Condition and Development Trends. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Abakan, April 21, 2023*. Abakan, 2023, pp. 98–100. (In Russian). EDN: MLUHGS.

3. Gorshkov M.M., Gribunov O.P., Latyshov I.V., Murav'ev K.V., Pershin A.N., Rossinskaya E.R. [et al]. *Criminalistics General Provisions, Techniques, Tactics*. Moscow, Yurait Publ., 2022. 400 p.

4. Gribunov O.P. Use of Special Knowledge in the Disclosure of the Theft of Motor Vehicles. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of*

the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2019, no. 3, pp. 125–132. (In Russian). EDN: IPDRGA. DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00036.

5. Karagodin A.A. On the Issue of Differentiation of Statements of Fact and Value Judgments in Forensic Linguistics. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2021, no. 11, pp. 469–480. (In Russian). EDN: WCMTAJ.

6. Kuznetsov V.O. Forensic Linguistic Analysis on Cases of Dissemination of Knowingly False (Unreliable) Information under the Guise of Credible Messages. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Investigation*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 49–57. (In Russian). EDN: XAKENQ. DOI: 10.30764/1819-2785-2022-2-49-57.

7. Zharkov I.V., Konstantinova V.V. Standard Expert Tasks in Law Cases with Regard to Articles 207.3, 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 20.3.3 of the Code of Administrative Violations of the Russian Federation and Possible Procedures of Their Solution. *Neofilologiya = Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 437–458. (In Russian). EDN: QLBDSE. DOI: 10.20310/2587-6953-2022-8-3-437-458.

8. Galyashina E.I. Conceptual Framework of the Forensic Linguistic Examination. In *Theory and Practice of Linguistic Analysis of Media Texts in the Commencement of the Examinations and Information Disputes. Materials of the Scientific-Practical Seminar, Moscow, December 7–8, 2002*. Moscow, 2003. Pt. 2, pp. 48–64. (In Russian). EDN: DECOBL.

9. Galyashina E.I. Speech Examinations in Civil and Criminal Law Proceedings. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2011, no. 12, pp. 12–29. (In Russian). EDN: ONCKRD.

10. Galyashina E.I. Forensic Examination of Verbal Extremism: Legal and Methodological Problems. *Ekspert-kriminalist = Expert-Criminalist*, 2009, no. 2, pp. 14–16. (In Russian). EDN: KPSRCR.

11. Galyashina E.I. Judicial Linguistic Expertise and Limits of Use of Linguistic Science Methods. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4, pp. 31–36. (In Russian). EDN: YJDETR.

12. Gribunov O.P. The Forensic Theory of Causality in the Establishment of the Trace Creation Mechanism: Philosophical and Theoretical Aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2019, no. 446, pp. 207–711. (In Russian). EDN: PEWQIQ. DOI: 10.17223/15617793/446/27.

Информация об авторе

Земляков Александр Владимирович — старший преподаватель, кафедра общегуманитарных и социально-экономических дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 664035, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, SPIN-код: 9950-2932.

Author Information

Zemlyakov, Alexandr V. — Senior Lecturer, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, 1 Shevtsov Str., Irkutsk, 664035, the Russian Federation, SPIN-Code: 9950-2932.

Поступила в редакцию / Received 16.03.26

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.03.26

Принята к публикации / Accepted 27.03.26

Дата онлайн-размещения / Available online 27.04.26